

V

Несколько долгих минут в просторном зале, едва освещенном инфракрасной лампой, не было слышно ничего, даже дыхания людей, сидевших вокруг стола. После того как капитан Синклер велел всем молчать и они послушно соединили руки, никто не посмел даже кашлянуть, а вставной глаз капитана вроде бы умерил обычные свои мерцание и жужжание — так медленно угасает раскаленный уголек, погруженный в воду. Все словно окаменели, и только две вещи свидетельствовали, что жизнь продолжается: мерный шелест фонографа в углу зала, чей барабан вращался, словно не замечая ран, наносимых ему острой иглой, и глаза Клейтона, которые, хотя сам он сидел совершенно неподвижно, быстро шарили вокруг, заглядывая в каждый уголок.

Агент удостоверился, что многочисленные приборы работают исправно, и вперил взор в Янтарную Леди — она сидела напротив, томно прикрыв глаза. Ее привязали к стулу, а запястья присоединили короткими цепочками, снабженными замками, с одной стороны к запястью доктора Рэмси, с другой — к запястью полковника Гарика. Потом Клейтон обвел взглядом членов комиссии и не обнаружил на их лицах даже тени недавнего скептицизма. Пальцы одного касались пальцев

другого, все вели себя учтиво и настороженно и твердо ожидали, что вот-вот случится что-то воистину потрясающее, будь то явление нашего мира или иного, загробного. Во всяком случае, тревожная атмосфера, которую распространяла вокруг себя Янтарная Леди, именно это и предвещала.

Все вздрогнули, услышав голос Синклера. Без всякого предупреждения капитан начал пояснительную речь для записи на фонограф и говорил так громко, будто аппарат находился где-нибудь в Париже, а не здесь же рядом. Быстро оправившись от неожиданности, члены комиссии вновь приняли неподвижные позы. Только Леди ни на что не реагировала и оставалась невозмутимой как сфинкс — она, судя по всему, уже успела войти в транс. Медиум сидела с чуть приоткрытым ртом и дышала глубоко и размеренно, от чего ее маленькая грудь под тонким шелком рубашки ритмично поднималась и опускалась, привлекая мужские взгляды, которые летели к ней как мотыльки на свет. “Что-то слишком уж ровное у нее дыхание”, — недоверчиво подумал Клейтон.

— Сеанс проводится двенадцатого сентября тысяча восемьсот восемьдесят восьмого года. Время: девять часов вечера. Место: дом Янтарной Леди, Мэйфлауэр-роуд, двенадцать, Лондон. Проверяющий справа от меня — полковник Гарик, проверяющий слева — доктор Рэмси. Ассистенты — миссис Холланд, инженер Холланд, профессор Крукс, Граф Дагган...

И пока Синклер продолжал перечислять предусмотренные комиссией строго научные меры контроля за сеансом и делал это невозмутимо, будто крошил кусок хлеба во время скучной послеобеденной беседы, Клейтон не отводил глаз от трех предметов, которые лежали в центре стола и были предназначены для опытов по телекинезу: позолоченного колокольчика, гардении и льняного носового платка. Агенту казалось, что, оставаясь совершенно неподвижными, они излучают тревогу, как будто сами своей волей уже решили сорваться с места и только ждут приказания от Янтарной Леди. Клейтон тряхнул головой, чтобы прогнать нелепое впечатление, вызванное, надо по-

лагать, либо внушением извне, либо проклятым красноватым светом, из-за которого все в комнате выглядело каким-то ирреальным. На миг ему захотелось иметь не механическую руку, а механический мозг, чтобы можно было в любой ситуации сохранять хладнокровие и здравомыслие.

Капитан Синклер завершил свое вступительное слово так же внезапно, как начал, и в зале опять повисла тишина. Но именно в этот миг с полуоткрытых губ Янтарной Леди стали один за другим срываться тихие стоны. Теперь она напоминала актрису, выпущенную после долгих проволочек на сцену, и лицо ее выражало предельный восторг — тот восторг, алхимию которого никому из участников сеанса никогда не будет дано познать. Затем ее прекрасное чело нахмурилось, но быстро опять разгладилось, как будто легчайший ветерок лишь на миг подернул рябью спокойную поверхность озера. И тут точно электрический ток пробежал по образованному людьми живому кольцу.

Всё в поведении медиума выглядело неподдельным, однако Клейтон был уверен, что она притворяется. Мало того, какой-то голос из самой глубины его души подсказывал: такая красота не может быть честной, она не может служить истине, ибо ни одна высшая власть не способна быть бескорыстной и неподкупной. А разве существует власть сильнее, чем власть красивой женщины? Он посмотрел по сторонам и тотчас заметил, что все мужчины бросают быстрые похотливые взгляды на грудь Леди. Даже сам капитан Синклер, к удивлению агента, не поборол соблазна. Никто из них не думал сейчас о контроле за сеансом, все мысли их были прикованы к ее нежной и обольстительной полудетской груди. Агент встретился глазами с Графом Дагганом, и тот по-свойски ему подмигнул. Клейтону стало тошно при одной только мысли, что этот экстравагантный тип сочтет, будто им владеют такие же чувства, как и остальными. Агент собрался было призвать членов комиссии к порядку, однако передумал. Ему не хотелось, чтобы фонограф запечатлел на долгие годы его брюзжание.

И тут колокольчик, прежде мирно лежавший на столе, зазвенел, но как-то отрывисто и даже яростно. Все взгляды разом метнулись к этому вроде бы самому обычному предмету, который вдруг превратился в мостик между двумя мирами. Но колокольчик так же внезапно смолк. Янтарная Леди снова застонала, выгнула спину и стала исступленно мотать головой из стороны в сторону. Волосы лунного цвета хлестали ее по лицу — казалось, что это прилетевшая невесть откуда чайка пытается выклевать ей глаза. И тотчас колокольчик начал очень медленно подниматься над столом, а когда оторвался от поверхности сантиметров на двадцать, невидимая рука принялась безжалостно трясти его, и он зашелся истошным звоном. Как будто вторя ему, в какой-то части зала отчетливо прозвучали очень громкие удары, хотя никто не смог бы сказать, откуда именно они доносились. Клейтон читал множество свидетельств о стуках, похожих на удары огромным кулаком в стену, но здесь они скорее напоминали звук, с которым вязальные спицы падают на мрамор, правда, теперь этот стук был во много раз сильнее. Колокольчик уже бился в истерике и будто старался заглушить стук, но тут и гардения заскользила к краю стола и упала на колени медицинской сестре Джонс, и та прижалась к спинке стула с выражением паники на лице, как если бы на юбку ей прыгнул скорпион. Мало того, еще и носовой платок пустился в полет и, приняв форму медузы, начал прогуливаться по воздуху прямо перед лицами потрясенных членов комиссии.

Тем временем взгляд Клейтона метался по залу, снова и снова проверяя все точки контроля. Агент был совершенно уверен: колокольчики, пришитые по низу портьер, ни разу не звякнули до начала переполоха. И ему пришлось признать, что толку от них в данной ситуации не было никакого, поскольку, если бы что-то и колыхнуло тяжелые шторы, слух все равно не уловил бы новых звуков. Правда, и взгляду было трудно ориентироваться в царящей кругом кроваво-красной полутьме. Со своего места Клейтон мог видеть термометры-ре-

гистраторы, инфракрасные излучатели и остальные приборы, расставленные по залу, но никакого движения рядом с ними не уловил. Отодвинувшись на несколько сантиметров от стола, но так, чтобы не нарушить цепочки из человеческих рук, он убедился, что опилки на полу тоже лежат нетронутые, на своих местах оставались доска, замурававшая камин, и печати на окнах.

Что касается членов комиссии, то большинство из них успели забыть про роль строгих наблюдателей и замороженно следили за нервными судорогами колокольчика, плавными пируэтами платка и за самой Янтарной Леди, которая продолжала биться в конвульсиях, что выглядело непристойно и жутко. Возможно, когда сеанс закончится, эти непрошибаемые скептики отзовутся о нем расплывчато и пренебрежительно — такие отчеты Клейтону не раз доводилось читать в газетах, — но сейчас они вели себя как дети, околдованные фейерверком “Воздушные замки”. Особенно возбужденным выглядел Крукс. На его лице не осталось и следа обиды, теперь он с широкой улыбкой предлагал коллегам понюхать платок, поскольку перед началом сеанса, по его утверждению, ткань не испускала такого сильного аромата. Клейтон незаметно усмехнулся. Судя по всему, разбитое сердце Крукса было куда легче возродить к жизни, чем его собственное.

Разгневанный агент попытался встретиться взглядом с капитаном, но тот быстро отвел глаза. Когда колокольчик только принялся трезвонить, Синклер, как и его ученик, старался держать ситуацию под визуальным контролем, однако, после того как с плеча Янтарной Леди, бившейся в конвульсиях, сползла рубашка, обнажив место, где начиналась белоснежная грудь, он и думать забыл о деле.

Только одна персона за столом, судя по всему, могла поспорить своей невозмутимостью с Клейтоном — а именно миссис Лэнсбери, которая наблюдала за происходящим с холодным, можно даже сказать профессиональным, интересом. Клейтон внимательно посмотрел на старушку и спросил себя, чем объ-

яснить такое поведение — несокрушимой верой в спиритизм или горьким разочарованием в нем. Могло быть и то, и другое, хотя что-то подсказывало ему: старая леди разделяет его подзрения.

Вдруг стуки прекратились, но случилось это так неожиданно, что наступившая тишина, казалось, всех оглушила. Секунду спустя колокольчик рухнул на стол, несколько раз подскочил и вяло покатился на прежнее место. Платок полетел к Янтарной Леди, которая перестала биться в судорогах и теперь смотрела перед собой широко открытыми глазами, и опустился ей на лицо с нежной вкрадчивостью подвенечной фаты. Однако эффект от его прикосновения получился сокрушительный: тело медиума так напряглось, что стул, к которому она была привязана, буквально подпрыгнул, голова Леди резко откинулась назад, словно кто-то сзади грубо схватил ее за волосы, а потом мотнулась вперед, отчего платок упал ей на колени. Теперь она сидела неподвижно, уперев подбородок в грудь, волосы закрывали ей лицо и шею как шлем цвета слоновой кости, а из горла вырывались то хрипы, то отчаянные всхлипывания. Под бледной кожей предплечий напряглись мускулы и выступили жутко надувшиеся вены, будто тело ее испытывало нечеловеческое напряжение.

— Господи, она задыхается! — закудаhtала медицинская сестра Джонс.

Но странные хрипы прекратились, прежде чем Джонс успела хоть что-нибудь предпринять. Тело медиума мгновенно расслабилось, и тотчас над ее головой появились светящиеся пятнышки — маленькие трепещущие стрекозы невиданной красоты. Они сразу же начали соединяться в крошечное созвездие, а слившись воедино, образовали сияющее газовое облако, которое постепенно росло и обретало плотность. Затем облако уподобилось воздушной пиявке и стало будто бы подпитываться из головы Янтарной Леди, а может, оно и рождалось из ее тела, вернее из ее волос. Как бы то ни было, облако парило в воздухе, плоско растянувшись над поверхностью стола

и соединяясь с медиумом тонким длинным шнуром. Клейтон понял, что Янтарная Леди готовится провести свою знаменитую материализацию, так как именно эта практика приносила медиумам особую славу, к тому же она считалась самой рискованной и сложной для фальсификации.

— Смотрите, возникает лицо! — с волнением объявил Крукс и сильно заморгал, точно мечтал разглядеть сквозь туман черты прекрасной дочери знаменитого пирата.

Тут агент и сам убедился, что профессор говорит правду. В облаке стало что-то вырисовываться, хотя пока трудно было понять, что именно. К разочарованию Крукса, это скорее напоминало три четверти мужского лица, и различить можно было нос, усы и пухлые губы, как бы вытянутые вперед, словно их обладатель собирался поцеловать кого-то или просто свистнуть.

— Я чувствую его дыхание! Он дует мне на руку! — воскликнул полковник Гарик, и в голосе его звучали одновременно испуг и неподдельный восторг. Именно полковник находился ближе остальных к эктоплазме.

Потом под мужским лицом с двух сторон выросли очень белые кисти рук, и они выглядели уже более плотными и были лучше очерчены. Кисти с поразительным изяществом шевелили пальцами, но выше запястий руки постепенно делались все прозрачнее и под конец растворялись в светящемся облаке, которое окружало призрака.

Клейтон, поджав губы, взирал на лицо и руки, и внутри у него закипала злость. Больше всего ему сейчас хотелось вскочить на ноги и вцепиться в сотканые из тумана формы — вот тогда, в чем он был уверен, хитроумный трюк будет разоблачен. Но агент покорно сидел, как было приказано Синклером. Еще до начала сеанса капитан несколько раз повторил: ни в коем случае нельзя прерывать опыт, какие бы подозрения у них ни возникли. Кроме того, полученные сверху распоряжения тоже звучали более чем определенно: цель полицейских — удостовериться в надежности способов проверки, изучить *modus*

*operandi*¹ медиума, записать сеанс на фонограф и проанализировать данные, полученные с приборов, чтобы затем сделать объективные выводы, в зависимости от которых будет решено, состоится следующий сеанс или нет. Иначе говоря, им предписывалось внимательно наблюдать за происходящим, но ни в коем случае ни во что не вмешиваться. А значит, у Клейтона не было свободы действий — оставалось только набраться терпения и ждать, пока Янтарная Леди совершит какую-нибудь оплошность и приборы зафиксируют некое отклонение от нормы, что позволит отдать медиума в руки правосудия. Клейтон нервно вздохнул и сосредоточил внимание на субстанции, выделенной Леди. Между тем фигура-облако неожиданно начала разрушаться. Лицо и руки постепенно таяли и наконец полностью утратили форму, словно сами себя уничтожили, и буквально через несколько секунд призрак вязким дождем упал на пол и исчез под столом.

Все в напряженном молчании смотрели на Янтарную Леди. Впечатление было такое, будто медиум спит или потеряла сознание. Голова ее склонилась на грудь, а тело обмякло и сползло бы со стула, если бы не поддержка двух проверяющих. Доктор Рэмси и полковник Гарик обменялись тревожными взглядами. Тут она сделала слабую попытку приподнять голову. Доктор мягко позвал ее по имени, и Янтарная Леди ответила протяжным стоном, как если бы никак не могла проснуться после долгого сна. Наконец ей удалось сесть прямо, она растерянно заморгала и обвела взглядом комнату. Затем наморщила лоб, несколько раз кашлянула и опять безвольно уронила голову — на сей раз на плечо полковника Гарика.

— Надо дать ей воды, — предложил доктор, — и я мог бы измерить Леди пульс.

— Повязки натирают кожу, — добавил полковник Гарик, но не столь профессиональным тоном, как Рэмси. Полковник, разумеется, млел от восторга, чувствуя тяжесть головы Янтарной Леди у себя на плече.

¹ Способ действия (*лат.*).

— Боюсь, с этим придется подождать, — сурово одернул их Клейтон.

— С водой можно действительно подождать, — подтвердил капитан Синклер, бросив сердитый взгляд на своего подчиненного. — Никому не позволено вставать из-за стола, пока мы с агентом Клейтоном не снимем показания с приборов. Но развязать ее можно, а вы, доктор Рэмси, измерьте пульс и, пожалуйста... прикройте мисс подобающим образом.

Клейтон молча посмотрел на капитана, и по сигналу Синклера оба они разом встали, осторожно приподняв при этом свои стулья, чтобы не двигать их по опилкам. Тем временем Гарик и Рэмси под сочувственными взглядами остальных оказывали помощь Янтарной Леди. Доктор освобождал ее запястья, а полковник мягко похлопывал по щекам, говорил что-то ободряющее невероятно нежным голосом и спрашивал, как она себя чувствует. Медиум пару раз с трудом открыла рот, но так и не смогла вымолвить ни слова. С вялой улыбкой она поднесла бледную руку к горлу, будто прося прощения за свою несвоевременную и досадную слабость. Вдруг лицо ее, с которого Клейтон по-прежнему не сводил глаз, резко переменялось: улыбка застыла на губах, и внезапный ужас до неузнаваемости исказил тонкие черты, смяв их в комок, точно лицо было бумажным. Агент, не понимая, что происходит, проследил за взглядом Янтарной Леди.

В углу окутанная красноватым полумраком застыла мужская фигура. На мужчине был простой темный костюм, под ним угадывалось атлетического сложения тело. Из-за расстояния и плохого освещения Клейтон с трудом разглядел грубые черты его лица, диковатый взгляд и мощный подбородок, прикрытый растрепанной бородой. Но оторопь у агента вызвало совсем другое: в мужчине явно не было и намека на туманную расплывчатость или свечение, свойственные, по распространенному мнению, призракам. Напротив, фигура была плотной и четко очерченной, как у любого нормального человека. Правда, за одним исключением: мужчина был прозрачным.

Хотя плоть и выглядела настоящей, сквозь нее проходил свет, вернее, в данном случае — полумрак.

Мнимый призрак ничего не делал и не говорил, он просто стоял перед ними, опустив руки вдоль тела. Взгляд его блуждал как у сомнамбулы. И тем не менее весь вид незнакомца излучал угрозу, а в глазах еще и сквозила почти звериная ненависть. Агент быстро повернулся к Янтарной Леди — ее била дрожь, а рот раскрылся в немом крике ужаса. Клейтон, сам не зная почему, нутром почуял, что ужас был подлинный. Остальные тоже смотрели в угол, но никто не рискнул встать из-за стола. Все были ошеломлены появлением мужчины, однако подействовал на них в первую очередь густой запах неотвратимого несчастья, из-за которого в зале стало невозможно дышать.

И тут Клейтон обратил внимание на миссис Лэнсбери. Она, как и все, со страхом уставилась на чужака, но в ее глазах агент прочел еще и нечто другое, нечто похожее на вызов.

— Ты! Это ты! Это ты! — зарычал незнакомец и вытянул руку, указывая на кого-то из сидящих за столом.

Все стали испуганно и растерянно переглядываться, пытаются понять, к кому относились его слова. Только старая леди и медиум не отводили глаз от незваного посетителя.

— Я нашел тебя! Наконец-то я нашел тебя! И клянусь, теперь ты отдашь мне то, что должно принадлежать мне! — закричало привидение.

От ярости у него перекосялся рот, и он сразу стал похож на злую гаргулю, сквозь тело которой кошмарнейшим образом просвечивал рисунок настенных обоев. К общему удивлению, миссис Лэнсбери встала со своего стула и, несмотря на маленький рост, гордо выпрямилась, хотя единственным щитом ей служило чувство собственного достоинства.

С этого мгновения события развивались с бешеной скоростью. И не только стремительно, но еще и беспорядочно, и у меня на их описание уйдет больше времени, чем они заняли на самом деле. В любом случае должен честно признать, что из-за сумбурности происходившего моя версия может

оказаться не вполне точной. Поэтому лучше скажу так: случилось *приблизительно* следующее. Незнакомец выругался, кинулся к столу, промчался мимо Клейтона, толкнув того в плечо, затем вспрыгнул на стол и набросился на несчастную миссис Лэнсбери. И тут паника, до тех пор полностью контролируемая, из-под всякого контроля вышла, вернее выплеснулась наружу как шампанское из бутылки. Все повскакивали на ноги, уже забыв и думать про опилки на полу, при этом кто-то кричал, кто-то растерянно охал, кто-то стоял столбом, кто-то нервно суетился — короче, каждый на свой лад проявлял охвативший их ужас. Медиум, например, упала на пол и на четвереньках устремилась к ширме, за створками которой спряталась. Клейтон и Синклер повели себя как настоящие герои — они сзади накинулись на незнакомца, уже успевшего схватить миссис Лэнсбери за горло. Тот отреагировал с поразительной ловкостью — резко запрокинул голову назад, угодив капитану прямо в нос, так что Синклер рухнул как подкошенный, оставляя за собой в воздухе кровавый след в форме дуги. В падении он увлек за собой и растерявшегося Клейтона. Но агент сразу вскочил и потянулся было за пистолетом, выскользнувшим у него из руки, однако понял, что на это у него уже нет времени. Железные пальцы призрака так сдавили горло миссис Лэнсбери, что та перестала дышать и жизнь ее висела на волоске. Агент здоровой рукой провел захват шеи незнакомца, чтобы заставить его отпустить свою жертву. Несколько секунд Клейтон не мог свыкнуться с тем, что видит собственную руку сквозь чужое тело, хотя на ощупь оно было совершенно обычным. Однако полицейский быстро пришел в себя, напряг все силы, и его металлическая рука сжала прозрачное горло врага, хотя в том, казалось, кипела несокрушимая энергия безумца и он не ослаблял хватки, так что лицо несчастной старушки стало лиловым. Он убивал ее прямо у них на глазах, и Клейтон не мог ему помешать. И тут он услышал крик за спиной:

— Агент, на пол!

Клейтон глянул через плечо, увидел полковника Гарика с пистолетом в руке и, не раздумывая, упал ничком. И в тот же миг грохнул выстрел. Безжизненное тело миссис Лэнсбери рухнуло на пол рядом с агентом.

Кто-то зажег свет. Клейтон нагнулся над ней и с облегчением понял, что она дышит и вроде бы даже не ранена. Он поднялся и столкнулся с сестрой Джонс, спешившей им на помощь.

— Займитесь вот ею! — велел он.

Джонс кивнула и дрожащим голосом позвала доктора Рэмси, который опасно отбежал в дальний угол зала и судорожно что-то записывал в маленький блокнот.

Клейтон быстро огляделся, ища незнакомца. Он увидел капитана Синклера — совершенно растерянный, с окровавленным лицом, тот кое-как поднимался с пола. С двух сторон ему помогали Бёрке и Крукс. Супруги Холланд стояли крепко обнявшись, оба страшно бледные, и казалось, именно миссис Холланд не дает мужу упасть в обморок. Граф Дагган дрожащими руками указывал агенту на ширму, перед которой уже находился полковник Гарик с дымящимся пистолетом в поднятой руке. Клейтон метнулся туда, на лету поймав брошенное ему Синклером оружие. Когда он подбежал к полковнику, тот наморщил лоб.

— Сдается мне, этот тип спрятался там, — прошептал он, кивая на ширму.

Клейтон знаком показал, что понял. Оба без слов наметили план действий, обменявшись красноречивыми жестами и махнув пистолетами. Потом осторожно каждый со своей стороны приблизились к ширме. И тут до них донеслись оттуда слабые звуки, как будто кто-то царапался в стенку. Подойдя еще ближе, они услышали женский голос, жалобно и невнятно о чем-то моливший. Клейтон знаками стал показывать полковнику, что надо тихонько отодвинуть ширму, но тот понял его превратно, если судить по мощному удару ногой, который он обрушил на створку. Ширма с грохотом опрокинулась, и когда

облако пыли и опилок осело, стало ясно, что оба целятся в безобидную вешалку, на которой висит платье Янтарной Леди. При этом загадочные звуки не утихали и даже стали еще более отчетливыми. Клейтон вроде бы узнал голос Янтарной Леди, опять и опять жалобно тянувшей:

— Выпустите меня, ради бога, откройте, выпустите, откройте, я хочу выйти...

Агент направился в угол комнаты, внимательно изучил его и обнаружил узкую щель в оклеенной обоями стене — благодаря остроумно продуманному оптическому эффекту щель было почти невозможно заметить. Однако, когда они осматривали комнату перед сеансом, этой щели там точно не было. А теперь она появилась. Клейтон сунул туда один из своих металлических пальцев и наткнулся на крошечную пружинку, которая мгновенно пришла в действие. Две панели со скрипом разъехались, и за ними, в углублении, они увидели Янтарную Леди. Она стояла на коленях с залитым слезами лицом и скребла пол окровавленными ногтями, повторяя непрерывно:

— ...Откройте, выпустите меня, откройте, ради бога, выпустите...

Заметив, что в ее убежище проник свет, медиум подняла глаза и завизжала, вытянув вперед руки, словно защищаясь от человека, который наклонился над ней.

— Нет, нет, нет! Я не хочу, чтобы вы возвращались! Не хочу! Зачем вы все опять вернулись? Прочь! Навсегда! Возвращайтесь обратно к себе в преисподнюю!

Без лишних церемоний Клейтон схватил ее за руки и швырнул полковнику Гарику, рядом с которым стоял капитан Синклер.

— Держите ее крепче! — велел он, не сознавая, что только что отдал приказ собственному шефу.

Правду сказать, в этот миг Клейтон не видел ничего, кроме куска пола, который недавно царапала Янтарная Леди. Он наклонился, решительно смахнул остатки опилок с кровью и даже с обломками ногтей и внимательно пригляделся к де-

ревянной поверхности, но не нашел там ничего примечательного. Работу неведомого умельца следовало признать безупречной — стык получился совершенно неразличимым, хотя Клейтон знал, что он там есть. Агент ударил по полу металлическим кулаком.

— Я знаю, что вы меня слышите! — крикнул он. — С вами говорит агент Корнелиус Клейтон из специального подразделения Скотленд-Ярда. Именем ее королевского величества приказываю вам открыть люк и немедленно выйти. Кто бы вы ни были, выходите. С поднятыми руками.

Последовало тяжелое, напряженное молчание. Клейтон поднял кулак, чтобы снова ударить в пол, но тут раздался мужской голос, слабый, глухой и едва ли не робкий:

— Я не могу открыть люк. Механизм заклинило и... Я тут внизу... попал в ловушку.

— Кто вы такой? — спросил Клейтон, не веря, что этот испуганный голос принадлежит мощному мужчине, с которым он совсем недавно вступил в схватку.

— Я Генри Бленделл, архитектор ее величества, награжденный Золотой медалью Корпуса королевских инженеров Англии, почетный специалист по автоматическим механизмам общества часовщиков и конструкторов Праги, автор проекта знаменитого секретного подземного хода из замка...

Клейтон не видел реакции людей, стоявших у него за спиной, он сам был огорошен. Сэр Генри Бленделл? Агент постарался вспомнить облик архитектора: мужчина преклонных лет, но при этом атлетического сложения, среднего роста, с седыми волосами... Да, вполне можно было допустить, что, нарядившись соответственным образом, он сыграл роль призрака... Краем глаза Клейтон посмотрел на фонограф. Суматоха, царившая в зале, не помешала аппарату продолжать вести запись. Клейтон оперся руками о пол, наклонился еще ниже и сказал громко и отчетливо:

— Сэр Бленделл, вы признаете, что были соучастником Янтарной Леди?

— Пожалуйста, здесь почти не осталось воздуха..

Клейтон хлопнул по полу сразу двумя кулаками, настоящим и механическим:

— Вы признаете, что помогли своими знаниями медиуму, известной под именем Янтарная Леди, признаете, что помогали устраивать трюки на всех спиритических сеансах, которые она давала; что вы лжесвидетельствовали, подтверждая честность условий, в которых проходили ее сеансы; что вы с ней вдвоем вероломно раз за разом совершали преступления — занимались мошенничеством, обманом и фальсификацией?

— Да, да... Но, ради бога, умоляю, надо поддеть плиту каким-нибудь рычагом или просто стамеской. Я страдаю клаустрофобией...

— Признаете? Признаете, что это касается и сеанса, прошедшего сегодня, двенадцатого сентября тысяча восемьсот восемьдесят восьмого года от рождества Христова в доме Янтарной Леди, по адресу Мэйфлауэр-роуд, двенадцать? — кричал Клейтон.

— Агент Клейтон, — вмешался Синклер, — зачем вам все это нужно...

— Да, да... я во всем признаюсь. Признаюсь! Только вытащите меня отсюда... Мне нечем дышать.

Клейтон выпрямился — лицо его искривила победная улыбка, слегка даже безумная. Лихорадочно блестящие глаза искали чистые голубые глаза Янтарной Леди. Он хотел, чтобы эта женщина осознала все его презрение, он хотел прямо сказать ей, что со своими уловками она похожа на течную кошку, но обмануть могла только недоумков вроде того, который лежит сейчас внизу и хватает ртом воздух, но не агента Корнелиуса Клейтона из специального подразделения Скотленд-Ярда. “Мне очень жаль, моя дорогая, — хотел сказать он, — но ты не настолько хороша, как тебе кажется, или... не сумела стать достаточно плохой. Невозможно всегда добиваться своего, и настала пора преподать тебе урок...”

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Но Клейтон ничего этого не сказал, потому что Янтарная Леди без чувств лежала на полу, и голова ее покоилась на коленях полковника Гарика, а ее руку держал в своей капитан Синклер, который пытался привести женщину в сознание, робко похлопывая по тыльной стороне ее ладони, и одновременно громко требовал, чтобы побыстрее принесли молоток и стамеску.